

На вопросы редакции отвечает
президент Ассоциации банков России
Анатолий Анатольевич КОЗЛАЧКОВ

ЖЕСТКИЙ БАНКОВСКИЙ КОНТРОЛЬ ЗА ПЛАТЕЖАМИ — НЕИЗБЕЖНАЯ ПЛАТА ЗА БЕЗОПАСНОСТЬ

В 1990 году окончил юридический факультет, в 1998 году — аспирантуру кафедры философии гуманитарных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова.

В 1990–1993 годы работал в аппарате Верховного Совета СССР, а затем в аппарате парламента РСФСР, где получил большой опыт разработки законопроектов, участвуя в формировании новой правовой системы.

В 1994–2000 годы работал в Банке России, где прошел карьерный путь от начальника отдела сравнительных исследований зарубежного банковского права до заместителя директора Юридического департамента.

С ноября 2017 года — вице-президент, с апреля 2024 года по наст. вр. — президент Ассоциации банков России.

— Последнее время на банки возложены существенные публичные обязанности по контролю за движением денежных средств, по борьбе с мошенниками, сбору биометрии и информации о клиентах и др. Насколько адекватны и посильны эти обязанности для банков?

— Для банков они, во-первых, посильны, а во-вторых, неизбежны. Почему неизбежны? Потому что банк является крупнейшим на сегодня в экономике агрегатором информации. Таким же крупным, как, например, платформа «Яндекс». И возложение дополнительных социально-экономических функций на банки — это просто неизбежность экономической и социальной политики, так как нет другой организации, которая бы обладала такими же огромными объемами информации и была бы способна осуществлять все те действия, которые необходимы государству, например контроль за мошенничеством, мониторинг социальных платежей и т.д.

Банковские системы для выполнения таких функций отложены и наиболее эффективны из всех имеющихся. Поэтому есть вероятность, что государство будет поручать банкам и другие подобные задачи. В принципе, для крупного и среднего банка это посильно. Отдельно надо говорить о малых банках. Возьмем, например, сбор биометрии, для которого банкам пришлось пойти на существенные затраты. Изначально банки были против такой функции, потому что понимали, что ее реализация не будет создавать прибыль в будущем. Так в целом и получилось: сейчас создана специализированная организация, куда банки передают всю биометрию, владельцами которой они перестают быть. Получается, что граждане не особо охотно передают банкам биометрические данные, но затраты на организацию сбора все равно ложатся на банк. Сейчас Минцифры предпринимает ряд мер для того, чтобы мотивировать граждан добровольно сдавать биометрию через специализированные сервисы. Такой путь нам представляется оптимальным. С помощью биометрических данных предполагается развивать продажу, например, железнодорожных и авиабилетов, обустроить посещение разных учреждений.

— А малые банки как с этим справляются?

— У малых банков, конечно, другая ситуация. Для них цифровизация как отдельное экономическое явление трудна. Этот вопрос непростой, мы ищем способы его решения. Пока универсального метода не найдено, но некоторые идеи мы обсуждаем вместе с регулятором. Понятно, что основная роль регулятора — обеспечить устойчивость банковской системы, поэтому он не может делать для отдельных банков индивидуальные послабления.

Пока решение видится в том, чтобы предложить регулятору не распространять на малые банки регулирование по цифровизации с соответствующими сложными и дорогими стандартами, если сервисы, которые эти банки вводят, не предполагают развитие определенного рода продуктов. Нет конкретного продукта — нет цифровизации в этой части и связанных с ним требований. Наверное, на данный момент это единственный выход.

Еще обсуждался вариант централизовать цифровые службы вне банков. Например, есть законопроект об *IT*-аутсорсинге для кредитных организа-

ций¹, но он пока забуксовал и его правовая судьба непонятна. При этом мы последовательно выступаем за его принятие, потому что видим в таком решении сплошные достоинства: большим банкам это позволит оптимизировать свои внутренние процедуры и разгрузить инфраструктуру внутри банка, а малым — даст возможность сократить издержки, учитывая, что банк сможет выбирать, что передать на аутсорсинг.

Этот закон не только помогает кредитным организациям решить прикладные задачи, но и создает условия для следующего технологического шага, когда вся информация перемещается в облако. И мы надеемся, что это одно из направлений будущего информационного развития. Конечно, к нему надо стремиться всеми силами. Сейчас мы входим в число наиболее динамично развивающихся в цифровом мире стран, и это положение надо сохранять. Поэтому наше послание Федеральному Собранию заключается в том, чтобы обязательно вернуться к этому законопроекту и начать его двигать.

— Не будет ли перекосов на местах, когда в условиях жесткого банковского контроля потребителю придется доказывать банку, что он осознает последствия своих действий, чтобы совершить операцию?

— Будут перекосы, они уже есть, но надо понимать, что это неизбежная плата за безопасность. Я и сам дважды подпадал под ограничения моих операций, потому что один из крупных банков посчитал, что я кому-то не тому перевожу средства, и блокировал на двое суток мои переводы. Это безусловно доставляет неудобства, но эти неудобства, повторюсь, плата за безопасность, поскольку сегодня практически нет категории людей, которые не были бы подвержены социальной инженерии.

— Что Вы имеете в виду под социальной инженерией?

— В данном случае это конструирование мошеннической схемы отъема денег у населения, как говорил

¹ Законопроект № 404786-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования правовых основ для аутсорсинга информационных технологий и использования облачных услуг финансовыми организациями)».

Остап Бендер, современная форма мошенничества с использованием среди прочего элементов нейролингвистического программирования. Задача мошенника — убедить человека на другом конце провода в том, что ему звонит надлежащее государственное лицо или сотрудник банка, и заставить этого человека действовать под влиянием заблуждения.

Повышенные требования банков к контролю за операциями хоть и усложняют жизнь, но, опять же, повышают уровень безопасности. Чем выше уровень безопасности, тем человеку неудобнее. Иными словами, чем надежнее внедряемые в банке протоколы, тем неудобнее это может быть для клиента. Но, как и все нововведения, наверное, со временем эти протоколы будут усовершенствованы до такой степени, что не будут приносить неудобства человеку.

— Явление, которое называют социальной инженерией, хотя и существовало ранее, но такие масштабы обрело лишь недавно. Как это можно объяснить?

— Я для себя как обычатель объясняю просто. Об этом явлении сняты некоторые американские фильмы еще десятилетней давности. Изобретение это не наше. Почему оно вдруг расцвело бурным цветом во время СВО? Потому что, наверное, стало элементом государственной политики определенных стран.

Здесь есть одно но. Мы не должны думать, что можем легко победить мошенничество с использованием социальной инженерии, поскольку уже есть такой фактор, как искусственный интеллект. Устойчивые к гипнозу лица с критическим складом ума в течение какого-то времени способны раскусить обман людей, звонящих по телефону, но искусственный интеллект сможет подобрать ключ к каждому.

— Можно ли решить эту проблему проще — проводить все встречи только в офисе лицом к лицу с тем человеком, который предлагает что-то оплатить, куда-то перевести деньги?

— Эксперт по кибербезопасности Игорь Масалович говорил в одном из интервью, что по конфиденциальным вопросам надо встречаться лично, без телефонов, и записывать, как и раньше, в блокнотик. Помните, в прошлом или позапрошлом году был

арестован один из боссов сицилийской мафии²? Его 25 лет высматривали и не могли поймать, потому что он не пользовался мобильным телефоном, к нему каждый вечер приходил мальчик и из окошка получал записку. Всё, как в XIX веке.

Я давний сторонник идеи о том, что в отношении новых технологий у нас постепенно будет устанавливаться антропоморфная норма — то, как человеку в социуме удобно. Сейчас цифровизация приносит не только плюсы, но и минусы. И любая прорывная технология какое-то время проходит проверку социумом и в итоге откатывается назад настолько, чтобы стать удобной. Сейчас идет поиск антропоморфной нормы для использования технологий, но для этого нужно время.

— Можно ли уже назвать банки пятой властью, на Ваш взгляд?

— В России нет, потому что более 70% банковской системы принадлежит государству. Примерно год назад эта цифра составляла 74%. Сегодня мы можем ориентироваться на нее, поскольку точной отчетности не публикуется.

— Раз доля государства в банковской системе так велика, то мы уже почти при социализме живем, не правда ли?

— Надо понимать, что наша банковская система является рыночной, но с доминирующим участием государства в капитале. В этом есть как преимущества, так и недостатки. Но это положение сложилось исторически, и надо сказать, что благодаря такой особенности мы проходили последние кризисы, просто как олимпийский чемпион успешную Олимпиаду. Ведь расчет при введении санкций был на то, что прежде всего рухнет финансовая система, а она даже не чихнула. Поэтому, особенно в период перегрузок, значительная доля государства в банковской системе — это, конечно, плюс. В будущем, если перегрузки исчезнут, скорее всего, могут возникнуть предпосылки для частичной приватизации, но сейчас говорить за государственных стратегов не имеет смысла.

² Имеется в виду Маттео Мессина Денаро, арестованный в Палермо в январе 2023 года. — Прим. ред.

— Какие тренды в банковских системах в мире Вы бы отметили?

— Сегодня аналитики называют две главные тенденции. Первая состоит в том, что банковские операции, например платежные, выходят за баланс банков, вплоть до выведения за пределы банка кредитной работы. Это обусловлено высокой стоимостью банковского капитала. И этот тренд размывает банк как институт. В предельном варианте, если он будет доведен до конца, в банке останутся одни депозиты, а поскольку их необходимо куда-то размещать, должны возникать какие-то симбиозы с другими видами бизнеса.

Второй тренд заключается в том, что банки остаются наиболее консервативными организациями, которые агрегируют денежные средства населения для предоставления их экономике, поскольку они развивались как наиболее защищенные структуры с точки зрения современной экономики и с точки зрения кибербезопасности (и таковыми по-прежнему являются). Перед любым стратегом возникает развилка. С одной стороны, можно понижать стоимость капитала, стоимость операций для того, чтобы население имело пониженную стоимость банковских услуг, — но при этом понижается защищенность. А с другой стороны, высокий уровень защищенности влечет не только повышение стоимости, но и высокий уровень минимизации рисков. Между этими Сциллой и Харибдой проходит линия будущего развития банковской системы.

— Банковское сообщество занимается саморегулированием и самоконтролем?

— Это интересная тема. Формально чуть ли не единственное направление финансовой деятельности, которое не охвачено саморегулированием, — это банки. Но в реальности это, конечно, не так. Да, банки не подпадают под действие Закона о саморегулируемых организациях³. Но саморегулирование существует не только в форме саморегулируемых организаций. Ассоциации тоже являются простейшей формой саморегулирования, которая всегда устраивала банки. Мы не раз ставили вопрос перед

банками о том, следует ли переходить к саморегулированию в банковской сфере, и приходили к выводу, что пока рано. Мы проводили два опроса: один на рубеже 2019–2020 годов, когда мнения банков о необходимости перехода к СРО разделились пополам, второй — на стыке 2021–2022 годов, и получили точно такие же результаты. Из этого мы сделали вывод, что индустрия не готова к саморегулированию в форме СРО. У Банка России был свой взгляд на формирование СРО, но решение этого вопроса было отложено из-за отсутствия у банков большого желания. При этом в 2021 году был принят закон⁴, предложивший промежуточную форму саморегулирования — Комитет по стандартам деятельности кредитных организаций.

— Он уже существует?

— Существует. Он был создан в 2021 году, но долгое время не функционировал. В прошлом году банковское сообщество в лице нашей Ассоциации вместе с Банком России активировали эту работу, и уже в этом году появился первый Стандарт защиты прав и законных интересов ипотечных заемщиков. Сейчас мы обсуждаем еще один стандарт надзорной деятельности. Саморегулирование проявляется в том, что Комитет состоит в большей части из представителей банков и в меньшей из представителей регулятора.

Внутри Комитета происходит столкновение профессиональных позиций при обсуждении нормативного акта. Можно сказать, что стандарт — это низшая форма нормативного акта. На площадке комитета представители Банка России и банковского рынка обсуждают профессиональные вопросы напрямую. Причем у них нет варианта отложить или не решить вопрос, они должны договориться. На мой взгляд, это очень эффективная форма взаимодействия, потому что она позволяет вести разговор до последнего аргумента. Наиболее аргументированная позиция побеждает независимо от того, чья она — регулятора или банковского сообщества.

— Почему банки изъяты из системы саморегулирования изначально? Если у нас фактически

³ Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях».

⁴ Федеральный закон от 11.06.2021 № 192-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

государственная банковская система, то для саморегулирования не остается особого пространства.

— Банки все-таки дорожат своей свободой, которую они проявляют, например, через Ассоциацию. Для них важно взаимодействие с регулятором на равных, самостоятельное взаимодействие с Федеральным Собранием, Правительством, Администрацией Президента. У банков есть возможность через Ассоциацию выразить свое мнение. Им важна такая конструкция. Ассоциация представляет собой огромный теоретико-практический конгломерат специалистов. Здесь и теория вырабатывается, и практика, реализуется возможность постоянного взаимодействия с регуляторами.

Ассоциация позволяет своим членам установить более тесный контакт, потому что обычно на практике саморегулируемые организации являются просто агентом-регулятором с довольно жесткими формализованными каналами взаимодействия своих участников. У нас каналы не жесткие, у нас можно что-то придумывать, креативить, это наше достоинство.

— В 2017 году в ГК было внесено много норм, касающихся специальных банковских договоров: договор номинального счета, публичного депозитного счета, счета эскроу и т.д. По прошествии времени Вы можете сказать, что введение этих норм в ГК было оправданно? Нужны ли сейчас какие-то дополнения в ГК о банковских сделках?

— Успешность той или иной законодательной конструкции следует оценивать через ее практическую востребованность. Считаю, что все перечисленные институты нашли свое применение на практике.

Так, номинальный счет служит важным инструментом сегрегации денежных средств и используется в настоящее время в различных сферах жизни, например в рамках контроля опекуна за расходованием денежных средств, выплачиваемых на содержание подопечного, для осуществления расчетов, связанных с выпуском цифровых финансовых активов и сделок с такими активами, для выплаты авторам и иным правообладателям вознаграждения за использование объектов авторских и смежных прав.

Публичный депозитный счет, с учетом установленного законодателем режима совершения операций по нему, позволил создать дополнительные гарантии сохранности депонируемых денежных средств относительно практики открытия публичными институтами ординарных счетов, действовавшей до 2018 года. При этом использование в указанных целях номинального счета было бы не совсем корректным, поскольку денежные средства, аккумулируемые на номинальном счете, отнесены к имущественной массе бенефициара и на них может быть обращено взыскание по его обязательствам. Тогда как в случае с публичным депозитным счетом депонированные денежные средства не отнесены ни к имущественной массе депонента, ни к имущественной массе бенефициара, ни тем более к имущественной массе владельца счета, а взыскание по долгам депонента или бенефициара обращается на их обязательственное требование к владельцу счета. Таким образом, публичный депозитный счет также занимает важную нишу в правоотношениях.

Думаю, что о влиянии эскроу-счета на решение проблемы обманутых участников долевого строительства я говорить не буду. Давайте просто констатируем, что данный институт также востребован.

Если рассуждать об изменениях, которые требуется внести для устранения некоторых во многом уже архаичных требований, то, например, можно предложить снять барьеры для дистанционного открытия счетов эскроу. Сейчас такая инициатива находится на стадии предварительного рассмотрения в Государственной Думе. Но это касается именно точечных доработок специального законодательства. А к внесению изменений в кодифицированные акты следует подходить более осторожно, чтобы потом не приходилось закрывать глаза на требование обеспечить соответствие норм гражданского права, содержащихся в иных законах, нормам Кодекса.

— Зачем понадобилось вводить в ГК ст. 821.1 о праве кредитора требовать досрочного возврата кредита в случаях, предусмотренных законом или договором? Была какая-то нерешенная проблема на практике?

— Статья была введена в качестве механизма защиты прав потребителя как слабой стороны в пра-

воотношениях с профессиональным кредитором и выступила нормативным закреплением устоявшейся судебной практики, подтвержденной Верховным Судом РФ еще в 2012 году⁵.

На момент дополнения ГК РФ данной нормой в законодательстве о потребительском кредитовании также содержались специальные нормы, регламентирующие основания (например, в части продолжительности просрочки заемщика), при наличии которых кредитор вправе потребовать досрочного возврата оставшейся суммы кредита, и эти нормы соблюдались кредитными организациями.

Таким образом, закрепление в ГК РФ общего правила о праве кредитора требовать досрочного возврата кредита, заключенного с потребителем, исключительно в случаях, предусмотренных законами, скорее преследовало цель устраниТЬ пробел в части применения отдельных норм о займе к отношениям, вытекающим из кредитного договора (п. 2 ст. 819 ГК РФ).

— Как Вы относитесь к подходу, признающему потребителя-гражданина слабой стороной договорных отношений с банками? Уже установлен справедливый баланс в регулировании и право-применительной практике в отношении сделок с гражданами?

— Такой подход общепринят. Регуляторы, как и высшие судебные инстанции, определяют потребителя как слабую сторону, поскольку он зачастую находится в неравном положении с банками с точки зрения материального достатка, уровня образования и переговорных возможностей.

В связи с этим общие нормы гражданского законодательства, регулирующие порядок заключения того или иного договора, имеют уточнения в виде дополнительных гарантий для потребителя в специальных законах. Например, предусматривается обязанность более глубоко информировать о финансовых продуктах, жесткая регламентация приобретения дополнительных услуг, периоды охлаждения для финансовых продуктов и другие меры.

⁵ См.: Определение СКГД ВС РФ от 19.06.2012 № 77-КГ12-2.

Кроме того, государство не только прилагает усилия для формирования законодательства, защищающего права потребителя в финансовой сфере, но и создает институты, которые обеспечивают такую защиту, наделяя их административно-правовыми полномочиями. Вводится ускоренный и упрощенный порядок восстановления прав потребителей. Примером служит финансовый уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг, который создан для досудебного урегулирования споров потребителей с финансовыми организациями, — он хотя и финансируется этими организациями, но независим от них в вопросе принятия решений.

Следует отметить, что принимаемые регулятором меры по защите прав потребителей имеют действенный результат, об этом свидетельствует статистика. Количество обращений с жалобами на банки снижается ежегодно.

При этом, на наш взгляд, важно, чтобы государство соблюдало баланс в регулировании и не способствовало развитию потребительского экстремизма, когда потребитель желает не восстановить нарушенные права, а получить необоснованные выгоды за счет финансовой организации, воспользовавшись своей «слабой» позицией.

Сейчас таких случаев становится все больше. Потребители берут кредиты и прибегают к процедурам упрощенного банкротства в целях уклонения от возврата денежных средств, уже есть прецеденты. Или, получая кредит в банке и будучи проинформированным сотрудником банка о социальной инженерии, отрицая факт нахождения под влиянием третьих лиц, клиент получает кредит и приходит буквально на следующий день с заявлением о том, что его обманули мошенники. После разбирательств выясняется, что клиент просто решил таким способом не возвращать кредит.

— Какие недобросовестные практики банков Вы бы назвали? Ассоциация банков принимает какие-то меры воздействия по отношению к недобросовестным членам?

— Противодействовать недобросовестным практикам необходимо для защиты конкурентной среды, интересов потребителей финансовых услуг и взаимного доверия участников рынка.

Основные недобросовестные практики связаны с потребительским кредитованием, и в особенности с реализацией дополнительных услуг и товаров при заключении договора потребительского кредита (займа).

Еще одной распространенной неприемлемой практикой является предложение потребителю при заключении договора потребительского кредита пакета дополнительных услуг, а также практика реализации услуг посредством уступки права требования.

— Появление цифровых активов как-то сказалось на расширении видов договоров и услуг, предлагаемых банками потребителю?

— Начну с того, что, на мой взгляд, цифровые финансовые активы — это все-таки не о потребителе в его классическом понимании, т.е. потребителе, приобретающем товары для личных нужд.

Высшая судебная инстанция неоднократно обращала внимание на то, что в правоотношениях, основанных на риске, пусть и в ряде случаев минимальном, физическое лицо выступает уже не потребителем, а инвестором — с той или иной квалификацией.

Также отмечу, что специальным законом установлено ограничение на приобретение неквалифицированным инвестором цифровых финансовых активов в размере 600 тысяч рублей в год.

Вместе с тем с начала года рынок цифровых финансовых активов вырос более чем на 50%. В основном продолжают расти объемы цифровых финансовых активов на денежное требование — наиболее простого типа цифровых финансовых активов.

Предположу, что определенная доля в указанных инвестициях приходится на неквалифицированных инвесторов.

— Как повлияет на кредитные договоры новый закон⁶, выводящий из конкурсной массы единственное ипотечное жилье заемщика?

⁶ Федеральный закон от 08.08.2024 № 298-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О несостоятельности (банкротстве)“».

— Теперь суды могут утверждать мировые соглашения, которые позволяют банкроту оставить себе единственное жилье, или же в рамках процедуры банкротства погасить остаток долга за единственное ипотечное жилье за должника может третье лицо. Согласие других кредиторов на подписание такого документа не требуется.

Эти изменения являются законодательным развитием позиций высших судебных инстанций, направленных на защиту права на жилище, и, безусловно, заслуживают положительной оценки как с точки зрения конституционных начал, так и с точки зрения соблюдения баланса прав и законных интересов должника и его кредиторов.

Что касается кредитных договоров, то раньше должникам было сложно проходить процедуру банкротства, имея ипотеку. Многие теряли свое жилье — даже те, кто был готов за него платить.

Вместе с тем в целях минимизации рисков недобросовестного поведения заемщика, а также достижения разумного баланса интересов сторон кредитного договора считаю целесообразным закрепить на законодательном уровне критерии роскошного жилья, установив специальный порядок обращения взыскания на такое жилье. На необходимость внесения таких поправок в законодательство неоднократно обращал внимание и Конституционный Суд РФ. Сами критерии выработаны судебной практикой, но не могут повсеместно применяться до инкорпорирования в закон.

Соответствующая инициатива банковского сообщества подготовлена Ассоциацией и направлена для предварительного рассмотрения к Государственную Думу.

— Чем плох внесенный в Госдуму законопроект о небанковских поставщиках платежных услуг?⁷

— Вы затронули очень интересную и актуальную для банковского сообщества тему. При первом оз-

⁷ Законопроект № 673197-8 «О внесении изменений в Федеральный закон „О национальной платежной системе“ (в части введения института небанковских поставщиков платежных услуг)».

накомлении с этой идеей можно сделать вывод, что введение на финансовый рынок нового участника — небанковского поставщика платежных услуг (НППУ) позволит расширить доступный в настоящее время для пользователей функционал в части переводов денежных средств, в том числе трансграничных, создать дополнительные условия для развития конкуренции.

Однако, ознакомившись с проектируемым регулированием предметно, приходишь к выводу, что оно предоставляет последним ничем не обусловленные преимущества при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречит требованиям разумности и справедливости и влечет репутационные риски для кредитных организаций.

Так, по мнению банковского сообщества, взаимодействие между кредитными организациями и НППУ должно осуществляться исключительно на основании принципа свободы договора с учетом рисков, которые кредитные организации принимают на себя, осуществляя операции по счетам клиентов на основании распоряжений, полученных от НППУ.

Вместе с тем законопроект предусматривает возможность установления случаев обязательности приема кредитными организациями распоряжений, направленных НППУ к счетам их клиентов.

Кроме того, законопроектом предлагается использовать НППУ при оказании услуг по переводу денежных средств специального счета, открываемого в Банке России, что также может негативно повлиять на состояние конкуренции на рынке услуг по переводу денежных средств и привести к оттоку ликвидности из кредитных организаций, поскольку осуществление частной организацией операций с использованием ресурсов публичного института, каковым является Банк России, резко повышает его конкурентоспособность в качестве лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность.

В настоящее время при привлечении кредитной организацией банковского платежного агента, оказывающего для нее услуги, схожие с проектируемым функционалом НППУ, используется специальный счет, открываемый в кредитной организации.

На мой взгляд, этот проверенный временем механизм должен быть использован и в рамках проектируемого регулирования при взаимодействии кредитных организаций и НППУ.

Также законопроект предусматривает весьма громоздкую структуру отношений между клиентами, кредитными организациями и НППУ, которая не позволяет однозначно и оперативно подтвердить волеизъявление клиента на предоставление НППУ права на передачу от его имени распоряжений кредитным организациям.

При этом ответственность перед клиентом за ненадлежащее осуществление перевода денежных средств при его инициировании через НППУ возложена на кредитные организации.

Создает проектируемое регулирование и риски распространения сведений, составляющих банковскую тайну, поскольку предусматривает право НППУ агрегировать информацию о счетах и операциях клиентов кредитных организаций и корреспондирующую этому праву обязанность кредитных организаций предоставлять такую информацию. Аккумулирование крайне чувствительной информации о счетах и операциях клиента в руках НППУ может привести к хищению денежных средств граждан и организаций, продаже злоумышленникам сведений, составляющих банковскую тайну, или их утечку.

Кроме того, можно спрогнозировать риски отмывания денежных средств и финансирования терроризма, поскольку законопроектами предусмотрено, что НППУ вправе выполнять функции оператора электронных денежных средств. Это способно привести к появлению параллельной системы расчетов (наряду с системой расчетов через корреспондентские счета) и возникновению значительных рисков в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ⁸ и мошенничества, сокрытия имущества от кредиторов и ухода от налогов.

Отдельно отмечу, что законопроект наделяет кредитные организации, микрофинансовые органи-

⁸ ПОД/ФТ/ФРОМУ — противодействие отмыванию доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, финансированию распространения оружия массового уничтожения.

зации, кредитные потребительские кооперативы и сельскохозяйственные кредитные потребительские кооперативы правом предоставлять клиенту денежные средства для увеличения остатка электронных денежных средств (ЭДС) клиента на основании договора потребительского кредита.

По мнению банковского сообщества, ЭДС не могут быть предоставлены в кредит, поскольку это противоречит их природе, а произвольная эмиссия ЭДС в рамках кредитования может привести к неконтролируемому росту денежной массы и, как следствие, к росту инфляции.

Это лишь некоторые замечания к внесенному в Государственную Думу пакету законопроектов, направленных на определение статуса и полномочий НППУ.

— Расскажите, пожалуйста, как Вы стали банковским юристом и достигли должности президента Ассоциации?

— В 1991 году я работал в Кремле советником последнего Председателя Верховного Совета СССР Константина Дмитриевича Лубенченко. Потом я работал в аппарате Верховного Совета РСФСР, а осенью 1993 года Виктор Владимирович Геращенко пригласил команду Лубенченко, в которой тогда было много молодых юристов, в Центральный банк для создания нового типа юридической службы. Он понимал, что юристы старой советской школы не очень хорошо представляют, как строить новую финансовую модель. Так мы оказались в Центральном банке

и создавали все, что сейчас лежит в основе современной банковской системы. Это два фундаментальных закона — о Банке России и о банках и банковской деятельности, а также масса других законов, которые создают основу финансового рынка: о рынке ценных бумаг, об акционерных обществах.

Приходилось решать вопросы на стыке гражданского и финансового права. Например, была проблема со ст. 855 ГК, регулирующей порядок платежей. Тогда действовала инструкция Госбанка по поводу осуществления порядка платежей при недостаточности средств на счете. После вступления в силу ГК в 1995 году оказалось, что эта статья не соответствует инструкции. Причем ее введение в той редакции не было согласовано с Банком России. Фактически возникла ситуация, при которой должны быть простоянены все банковские расчетные операции. И какое-то время, наверное неделю-две, системами платежей управляли в ручном режиме. Банки звонили, спрашивали, что делать, им устно по телефону разрешали что-нибудь сделать.

— Вы также занимаетесь историей права. Это Ваше хобби?

— Не совсем. Я глубоко погружен в историю права и государства, теорию политических учений, а аспирантуру я закончил по социальной философии, поэтому можно сказать, что это дело жизни, а не хобби. У меня есть книга про Византию⁹. Я пишу 2–3 статьи в год по метафизике, по политической теории, занимаюсь этими вопросами профессионально. Это много времени отнимает.¶

⁹ Козлаков А.А. Замковый камень византизма. Историко-правовое исследование причин гибели Византии в связи с дискуссиями о политическом будущем России. М., 2012.